

ПРЕДНАМЕРЕННАЯ ПОРЧА ПОГРЕБАЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ В СРЕДЕ ЮДИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Н. П. Турова

Тобольский филиал ИАЭТ СО РАН, г Тобольск, Россия; turova2707@yandex.ru

Преднамеренная порча сопроводительного инвентаря – явление широко известное в погребальной практике многих народов с древности и до этнографической современности. Не является исключением и юдинская культура лесного Зауралья (X-XIII вв. н.э.), которую многие исследователи связывают с этногенезом манси [1].

Некрополи юдинской культуры немногочисленны: до недавнего времени знания по данному вопросу базировались на материалах всего двух могильников (Ликийского [2] и Пылаевского [3]), на которых в общей сложности раскопано 60 погребений. И хотя в публикациях авторы отмечали случаи поломки инвентаря, но не поясняли данного явления: являлась ли порча инвентаря преднамеренной и кем совершалась (соплеменниками или чужаками).

К настоящему времени самым крупным некрополем юдинской культуры является грунтовый могильник Вак-Кур, расположенный в Ярковском районе Тюменской области и датируемый по комплексу инвентаря X – XI вв. н. э. На пяти раскопах могильника Вак-Кур исследовано 176 погребений. Нужно отметить, что практически все погребения данного некрополя нарушены перекопами, совершенными еще в древности, что значительно затрудняет фиксацию первоначального положения в могиле как самого погребенного, так и инвентаря.

В данной работе производится попытка анализа материалов с могильника Вак-Кур, с целью выявления следов преднамеренной порчи инвентаря.

Из большой керамической коллекции могильника лишь в одном случае можно с большой долей уверенности говорить о преднамеренной порче: в погр. №170 сосуд стоял в ногах погребенного, вверх дном, в котором было отверстие овальной формы, а внутри скол был большего диаметра (т.е. сосуд был пробит с внешней стороны).

Бесспорные подтверждения существовавшего обычая поломки вещей, помещаемых в могилу, нам дает анализ других категорий инвентаря. Приведем их ниже.

Браслеты. Наиболее яркий пример – погр. №38, где встречено девять фрагментов от одного бронзового пластинчатого браслета. Фрагменты были разбросаны по всей площади могильной ямы на уровне дна.

В погр. №160 были найдены два фрагмента от браслета, а в погр. №122 на костях руки погребенного (которые остались не потревоженными) был обнаружен большой фрагмент широкого пластинчатого браслета из белой бронзы с изображением медвежьих голов на конце. Фрагмент хотя и не мал, но для ношения непригоден.

Булавки. Подобных изделий на всей площади могильника выявлено всего два. Об их функциональном назначении судить сложно, т.к. они происходят из нарушенных погребений. А на других некрополях юдинской культуры подобные изделия не обнаружены.

Железная шпилька из погр. №163 погнута, а кончик сломан. В случае, если бы она была повреждена через продолжительное время после попадания в грунт – она бы не погнулась, а сломалась. Другая шпилька (медная) обнаружена на этом же раскопе выше уровня материка и имеет те же самые повреждения, что и первая. Одинаковый характер повреждений этих однотипных изделий вряд ли является простым совпадением.

Подвески – птички. Обнаружено четыре фрагмента (головки) от этих изделий, отлитых из белой бронзы. Причем ни одного фрагмента туловища не найдено. В двух случаях (погр. №91, №175 – частично не потревоженные перекопом) головка птицы находилась в районе черепа (в одном случае взрослого, в другом – ребенка). Лишь в одном случае подобное изделие (из другого сплава меди желтоватого цвета) было

найден целым: подвеска в виде птички, с привесками, находилась в погребении ребенка (№ 110), захороненного выше уровня материка.

Ножи. В погр. № 122, в не потревоженной перекопом части могилы, прекрасно сохранилась бронзовая рукоять ножа с изображением птицы, а также фрагмент берестяного чехла (?). И при этом никаких следов лезвия во втулке не обнаружено. В то же время в погребении прекрасно сохранились 2 железных ножа. Вероятнее всего, они были намеренно разъединены.

В поисках толкования смысла можно прибегнуть к помощи этнографической литературы. Так описывает обычай порчи вещей у угров (в среде которых наиболее оправдан поиск параллелей) финский этнограф К.Ф. Карьялайнен: «... большинство предметов дается умершему в поврежденном состоянии: кинжал, наконечники стрел ломаются, на топоре делают ножом насечку или зарубину, в горшке или котле - отверстие, у чайника отбивается ручка, с деревянной утвари срезают стружку, с одежды - клочок ткани, нарты разламываются и т. д.» [4]. То есть вещь нужно лишить формы, «умертвить» для ее перехода в пространство смерти [5]. Отдельно исследователь говорит об обычае не надевать на умершего неповрежденную одежду: «... рубаху разрезают впереди ..., у шубы обрезают уголки пол впереди, маленькие кусочки отрезают около отверстия обуви и рукавиц, а также от пояса.» [6].

Как мы видим «поломка» была как реальной, так и символической (насечка на топоре и др.). Последнюю достаточно трудно зафиксировать среди археологических материалов, но значительное число раскопанных на могильнике Вак-Кур погребений позволило выявить, по крайней мере, один подобный случай.

Пояс. В погр. № 62 пояс, от которого сохранились накладки с фрагментами кожаного ремня, был растегнут и уложен вдоль левой ноги погребенного (взрослый), с внешней стороны. Такое нестандартное положение пояса в погребении обусловлено его значительными символическими функциями, которые находят применение в различных действиях, связанных с «обрядом перехода». О том, что пояс могли положить в гроб с умершим, не надевая на него – случай также отмеченный Карьялайненом [7]. Растегнутый, уложенный отдельно пояс – еще один «знак» для умершего [8].

Итак, все вышеперечисленные примеры, по нашему мнению, свидетельствуют о преднамеренной порче помещаемых в могилу вещей (по крайней мере, какой-то их части), совершаемой соплеменниками умершего в момент погребения. Дальнейшие исследования некрополей юдинской культуры позволят дополнить данные по этому вопросу.

1. Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА. № 38. 1957. С. 180; Могильников В.А. Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I - начале II тысячелетия н.э.: Афтореф. канд. дис. Москва, 1964. С. 12; Викторова В.Д. Памятники лесного Зауралья в X-XIII вв. н.э. // Ученые записки Пермского ГУ. – Пермь, 1968.- № 191.- С. 256; Казаков Е.П. Чияликская культура: территория, время, истоки // Угры. Материалы VI-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2003. С. 79.
2. Викторова В.Д. Ликинский могильник X-XIII вв. // ВАУ. Вып. 12. Свердловск, 1973. С. 133 – 168.
3. Кутаков Ю.М., Старков А.В. Пылаевский грунтовый могильник (предварительная публикация) // Охранные археологические исследования на среднем Урале. Вып. 1. Екатеринбург, 1997. С. 130 -146.
4. Карьялайнен К. Ф. 1994. Религия югорских народов. Т. 1. Томск, 1994. С. 112.
5. Там же. С. 113.
6. Там же. С. 77.
7. Там же. С. 81.
8. Там же. С. 112.